

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-117-127>

Шифр научной специальности 5.9.1

Ч. Айтматов и русская традиционалистская проза 1960–1970-х гг. (к 95-летию со дня рождения писателя)

Пётр Андреевич ГОНЧАРОВ

ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»
393760, Российская Федерация, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101
✉ goncharovpa2015@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Ч.Т. Айтматов (1928–2008) – крупнейший писатель, чьё творчество изначально связано с Киргизией, был широко известен в Советском Союзе, признан мировым культурным сообществом. Его проза связана с несколькими направлениями и течениями в русской советской литературе. Цель исследования – провести параллели между произведениями Айтматова 1960–1980-х гг. и русской традиционалистской литературой этого времени, установить степень поэтического «родства» между относящимися к разным национальным культурам феноменами. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования являются повести Ч. Айтматова «Тополёк мой в красной косынке», «Материнское поле», роман «Буранный полустанок», роман Ф. Абрамова «Дом», повести В. Астафьева, рассказы В. Шукшина. Главными методами исследования материала являются сравнительно-типологический, историко-генетический; используется также мифопоэтический подход к анализу литературных произведений. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Установлено, что проза Ч. Айтматова имеет отношение к «производственной литературе», к «лирической прозе», к «молодёжной литературе». Более тесными оказываются связи айтматовских повестей и романов с «деревенской прозой». Стремление сберечь память, традиции, архетипы поведения, характерные для многовековой культуры киргизского народа, имеет большое значение для героев повестей и романов Ч. Айтматова. Эта тенденция характеризует и русскую традиционалистскую литературу 1960–1980-х гг., заявившую о необходимости бережного отношения к русским национальным традициям. Во многом созвучными и соотносимыми по ряду параметров оказываются образы главных персонажей, мифологические мотивы произведений Ч. Айтматова и русских «деревенщиков». Выявлено значительное сходство в восприятии родной земли, поля в произведениях «деревенщиков» и Ч. Айтматова, в изображении неоднозначных социально-этических процессов в советском обществе 1960–1980-х гг., в осмыслении процессов коррозии национального характера. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Проза Ч.Т. Айтматова близка различным течениям русской литературы XX века по характерной для неё гуманистической направленности, по вниманию к герою, вовлечённому в решение острых социально-этических проблем времени. Для прозы Ч. Айтматова характерно поэтическое «родство» с традиционалистским направлением русской литературы, проявляющееся в жанровых, композиционных, образных, идейных аналогиях и соответствиях между феноменами, относящимися к разным национальным культурам. Их сближают образ земли-матери, попытка реабилитировать и сберечь архетипы национальной этики, интегрировать их в полную противоречий современность. Видится перспективным дальнейшее изучение параллелей между прозой Ч. Айтматова и русской традиционалистской литературой с целью определения национального своеобразия художественных миров писателей и уточнения истоков общности их концепций мира и человека.

Ключевые слова: Ч.Т. Айтматов, В.П. Астафьев, В.М. Шукшин, традиционалистская литература, деревенская проза, повесть

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Для цитирования: Гончаров П.А. Ч. Айтматов и русская традиционалистская проза 1960–1970-х гг. (к 95-летию со дня рождения писателя) // Неофилология. 2024. Т. 10. № 1. С. 117-127. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-117-127>

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Ch. Aitmatov and the Russian traditionalist prose of the 1960s–1970s (on the 95th anniversary of the writer’s birth)

Pyotr A. GONCHAROV

Michurinsk State Agrarian University

101 Internatsionalnaya St., Michurinsk, 393760, Tambov region, Russian Federation

✉ goncharovpa2015@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. Ch.T. Aitmatov (1928–2008) is a major writer whose work was originally associated with Kyrgyzstan, was widely known in the Soviet Union, and recognized by the world cultural community. His prose is associated with several directions and trends in Russian Soviet literature. The purpose of the study is to draw parallels between Aitmatov’s works of the 1960–1980s and Russian traditionalist literature of that time, to establish the degree of poetic “kinship” between phenomena belonging to different national cultures. MATERIALS AND METHODS. The research material is Ch. Aitmatov’s stories “My Poplar in a Red Scarf”, “Mother’s Field”, the novel “Stormy Stop”, F. Abramov’s novel “Home”, V. Astafiev’s stories, V. Shukshin’s stories. The main methods of studying the material are comparative typological, historical and genetic; a mythopoetic approach to the analysis of literary works is also used. RESULTS AND DISCUSSION. It has been established that Ch. Aitmatov’s prose is related to “industrial literature”, to “lyrical prose”, to “youth literature”. The connections between Aitmatov’s stories and novels and “village prose” turn out to be closer. The desire to preserve memory, traditions, and archetypes of behavior characteristic of the centuries-old culture of the Kyrgyz people is of great importance for the heroes of Ch. Aitmatov’s stories and novels. This trend also characterizes Russian traditionalist literature of the 1960–1980s, which declared the need for a careful attitude towards Russian national traditions. In many respects, the images of the main characters and the mythological motifs of the works of Ch. Aitmatov and the Russian “villages” turn out to be consonant and comparable in a number of parameters. Significant similarities were revealed in the perception of the native land and fields in the works of the “villagers” and Ch. Aitmatov, in the depiction of ambiguous socio-ethical processes in Soviet society of the 1960–1980s, in the understanding of the processes of corrosion of a national character. CONCLUSION. Prose by Ch.T. Aitmatov is close to various currents of Russian literature of the twentieth century in its characteristic humanistic orientation, in its attention to the hero involved in solving acute social and ethical problems of the time. Ch. Aitmatov’s prose is characterized by a poetic “kinship” with the traditionalist direction of Russian literature, manifested in genre, composition, figurative, ideological analogies and correspondences between phenomena belonging to different national cultures. They are brought together by the image of the mother earth, an attempt to rehabilitate and preserve the archetypes of national ethics, to integrate them into modernity full of contradictions. It seems promising to further study the parallels

between Ch. Aitmatov's prose and Russian traditionalist literature in order to determine the national identity of the writers' artistic worlds and clarify the origins of the commonality of their concepts of the world and man.

Keywords: Ch.T. Aitmatov, V.P. Astafiev, V.M. Shukshin, traditionalist literature, village prose, novella

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky.

For citation: Goncharov, P.A. Ch. Aitmatov and the Russian traditionalist prose of the 1960s–1970s (on the 95th anniversary of the writer's birth). *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(1):117-127 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-117-127>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

«Я традиционалист и консерватор», «я считаю русскую культуру нашим общим достоянием», – заявил Ч. Айтматов в одном из интервью, судя по содержанию, относящемуся к началу 2000-х гг. и воспроизведённому в одном из исторических телепроектов к 30-летию распада СССР¹.

Прежде всего, необходимо заметить, что фигура Ч. Айтматова развеивает и развенчивает популярный на рубеже 1980–1990-х гг. миф о якобы имевшем место навязанном доминировании русской культуры, русской литературы в культурах республик, некогда входивших в СССР. Вопреки этому мифу сам Ч. Айтматов в известной степени «доминировал» в советской литературно-общественной жизни 1960–1980-х гг. Признание Ч. Айтматова в советской культуре выразилось в том, что он стал лауреатом Ленинской – высшей в СССР премии (1963) и нескольких государственных премий в области литературы. Известно, что получивший известность в СССР, писатель был признан и в мировом сообществе, именно его несколько раз выдвигали на Нобелевскую премию.

Бесспорно, что Ч.Т. Айтматов – порождение, феномен, прежде всего, киргизской куль-

туры, художественное перевоплощение богатыря-воина Манаса в богатыря-художника, мыслителя, философа, общественного деятеля. Хотя процесс распада некогда единой страны в определённой мере «развёл» писателей и литературоведов по их «национальным квартирам», интерес к творчеству Ч. Айтматова сохраняется и в Киргизстане, и в России. Масштаб его личности, значение творчества подчёркивают и география, и аспекты связанных с Ч. Айтматовым современных и ставших историей исследований, их изданий и переизданий [1–8]. Характерно не только то, что Ч. Айтматов оказался объектом целого ряда исследований тюркологов «ближнего» и «дальнего зарубежья» [9–15], но и то, что уже сами эти исследования стали предметом научного анализа [16; 17].

Стоит напомнить, что «деревенская проза», будучи явлением, прежде всего, русской литературы, получила своеобразный отклик в литературе «союзных республик»: в «Тронке» О. Гончара, в «Полесской хронике» И. Мележа, в «Знаке беды» В. Быкова, в «Потерянном крове» Й. Авижюса и т. д. Естественно, что не всякое произведение о деревне и есть «деревенская проза». Но созвучные (тематически и идеологически) «деревенской прозе» явления нашли место и в иных сферах культурного влияния русской литературы – в частности, в прозе ГДР, где широкой известностью пользовался роман Эрвина Штритмат-

¹ 30 лет распада СССР. История в лицах. Чингиз Айтматов [видеозапись]. URL: <https://ok.ru/video/3029680787768> (дата обращения: 15.09.2023).

тера «Оле Бинкоп» (1963) о социально-этических проблемах послевоенной немецкой деревни. Роман, переведённый на многие языки мира. Одна из начальных фраз этого романа является своеобразной метафорой и деревни XX столетия, и прозы о деревне: «Так что же тогда деревня на этой земле? Глазок на коже подгнившей картофелины или красная точка на освещённой солнцем стороне наливающегося яблока?»².

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом сопоставительного исследования послужили повести Ч. Айтматова «Тополёк мой в красной косынке», «Материнское поле», роман «Буранный полустанок» и роман Ф. Абрамова «Дом», повести В. Астафьева, рассказы В. Шукшина.

Использование методов (сравнительно-типологического, историко-генетического; мифопоэтического подхода к анализу литературных произведений) нацелено на решение задачи – провести возможные жанровые, структурно-поэтические, образные и иные параллели между творчеством Ч. Айтматова и русской традиционалистской («деревенской») прозой с целью установить степень поэтического «родства» между относящимися к разным национальным культурам феноменами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ч. Айтматов как писатель, конечно же, не был «мишенью», объектом «культурной экспансии» русской советской литературы, поскольку он сам стоял у истоков «деревенской прозы». Заметим вначале, что Айтматов сопричастен в разной степени нескольким направлениям и течениям в современной ему русской литературе. Его повести «гор и степей» перекликаются с «лирической прозой» (О. Берггольц, Ю. Казаков, В. Солоухин, А. Яшин и др.) благодаря форме повествования от первого лица, благодаря присутствию в тексте фигуры чувствующего и мыслящего

героя-рассказчика. Его повести 1950–1960-х гг. корреспондируют и с «молодёжной литературой» этой эпохи (В. Аксёнов, Б. Балтер, А. Гладилин, А. Рыбаков и др.). Их главные герои молоды, находятся в бурном и постоянном поиске смысла существования.

Характерная деталь: чем более зрелым и совершенным становилось литературное творчество Ч. Айтматова, тем глубже оно погружалось, «прорастало» в историю русской литературы. Писатель, в начале своего творческого пути во многом сближаясь с современными ему литературными течениями и направлениями, по мере приближения к литературной зрелости проявляет неподдельный интерес к прозе предшествующих эпох. Дм. Мережковский, Л. Андреев, М. Булгаков нашли в лице Ч. Айтматова своего продолжателя во внимании к евангельским сюжетам. И это не подражание, а совершенно оригинальная трактовка: Понтий Пилат у Ч. Айтматова (в его романе «Плаха», 1986) подозревает Иисуса в намерении стать «царём иудейским», о чём втайне, не признаваясь даже самому себе, мечтает сам прокуратор. Понтий Пилат видит в Иисусе политического соперника, готового взбунтовать чернь ради собственной власти. Этот поворот сюжета, с одной стороны, отвечал на сложный богословский вопрос о сути поступка Пилата, а с другой – косвенно и прямо предсказывал кризис в развитии социально-политической ситуации в России и Киргизии рубежа 1980–1990-х и последующих годов.

Повесть Ч. Айтматова «Тополёк мой в красной косынке» (1961) вызывает неслучайные ассоциации с «производственной» литературой (главный герой – шофёр автопредприятия, доказывающий возможность интенсификации автоперевозок через хребты Тянь-Шаня в Китай с помощью машин с прицепом). Но по характеристикам главного героя повесть легко вписывается в «молодёжную» литературу, с её «бунтующим» героем. Форма повествования – от первого лица, от лица главного героя-рассказчика, отсылает читателя к стилистике «лирической» прозы. Здесь находит подтверждение идея Г.Д. Гачева об ускоренном развитии литератур советских республик в советское время. Ана-

² *Штризматтер Э.* Оле Бинкоп. Роман. Перевод Н. Ман, С. Фридлянд. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/III/shtritmatter-erwin/izbrannoe/2> (дата обращения: 15.09.2023).

лизируя прозу Айтматова, Г.Д. Гачев аргументировано утверждает, что повесть «Джамиля» представляет собой «явление ускоренного литературного развития» [1, с. 14].

Продолжая логику Г. Гачева, есть основания утверждать, что в лице Ч. Айтматова (и не только) киргизская литература ускоренно прошла через этапы развития, свойственные русской литературе 1920–1940-х гг. («производственная литература»), периода 1950–1960-х гг. («лирическая проза», «молодёжная литература»), этапа 1960–1980-х гг. («традиционалистская» – «деревенская проза»). Заметное внимание Ч. Айтматова в 1960–1990-е гг. к англоязычной литературе (Г. Мелвилл, Э.М. Хемингуэй и др.), к «магической» и мифологической прозе Латинской Америки (Х. Кортасар, Г.Г. Маркес) – самостоятельная тема, заслуживающая тонкого анализа литературоведения.

Однако, на наш взгляд, ощутимее и продуктивнее соприкосновение Ч. Айтматова с русской «деревенской» (традиционалистской) прозой. Первенство Ч. Айтматова в советской литературе выразилось в обращении к новым темам и новым жанрам, в интерпретации уже известных тем. Война как апофеоз народа и его трагедия, трагедия семьи, вместо парадного славословия – тема повести «Материнское поле» (1963), и здесь же мифологизм в организации повествования, а значит, и в жанрово-композиционном плане.

Сближение с «деревенской прозой» усилилось благодаря натурфилософской и мифологической составляющей, в повести «Прощай, Гюльсары!», в сборнике «Белый пароход». В известной работе Г.Д. Гачева о прозе Ч. Айтматова [1] есть сопоставления и параллели с киргизским и мировым фольклором, с европейской и русской классикой. Однако литературовед и культуролог, вероятно, в то время и не ставил себе цели сопоставить прозу киргизского писателя с современной ему русской прозой. И хотя отдельные имена русских прозаиков второй половины XX века (М. Шолохов, Ю. Бондарев и др.) в книге Г.Д. Гачева упоминаются, параллели и сопоставления с «деревенской прозой» в ней отсутствуют. Вероятно, по той причине, что сам Ч. Айтматов воспринимался в то время

как органическая часть русской советской литературы, сравнивать же часть с целым не представлялось продуктивным. Однако кардинальные изменения мировосприятия художника, происходившие в это время, не остались в исследовании незамеченными. Анализируя семейные и родовые связи персонажей повести «Белый пароход» (1970), Г. Гачев отмечает: «Вертикали рода перерезаны у людей этих, не подаётся им отсюда силы и воспомоществования. И если в ранних повестях Айтматова это подавалось с плюсом, ибо способствовало становлению личности: её высвобождению из оков рода, – то теперь этот же разрыв видится в минусе, как несчастье» [1, с. 270].

Сближение с русской «деревенской прозой» достигло апогея в романе «Буранный полустанок», в образах буранного Едигея и манкурта. Манкурт – слово и понятие, введённое Ч. Айтматовым в русский литературный язык. Такие заслуги перед литературным русским языком ставят его в один ряд с русской литературной классикой, с Н. Карамзиным, В. Маяковским. Человек, лишённый памяти о своём роде, своей матери, своей родине, своих национальных традициях – это и антигерой Ч. Айтматова и не в меньшей степени – отрицательный персонаж русской традиционалистской прозы 1960–1970-х гг. Этот тип заявляет о себе в герое рассказа В. Шукшина «Беседы при ясной луне» (1972) Баеве, возомнившем себя произведённым на свет не родным отцом, а стараниями американцев: «<...> мериканцы-то у нас тут тада рылись – искали чего-то в горах. Шут его знает! Они же... это... народишко верткий»³. Этот тип реализован и в персонажах шукшинского рассказа «Привет Сивому!» (1974), забывших о нормах нравственности и предавшихся соблазну сексуальной свободы.

Близкий тип антигероя заявляет о себе в Егорше Ставрове и в директоре совхоза Таборском в романе Ф. Абрамова «Дом» (1978). Показательно, что айтматовский «Буранный полустанок» (1980) и абрамовский «Дом» увидели свет практически в одно время. Но

³ Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Рассказы 1972–1974 годов. Повести. Публицистика. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 13.

объединяет их не только эпоха, но и созвучная проблематика. Почему человек не хочет, подобно своим дедам и отцам, работать с полной самоотдачей, почему им руководит корысть, почему он забывает о стыде, совести, семье? Речь, по сути, идёт о коррозии русского национального характера. Но, если верить Айтматову, – не только русского, но и киргизского. И не в этом ли одна из причин распада – нравственного, а затем и социально-политического? История Едигея, Казангапа и его сына, трагедия Абуталипа, история Михаила, Лизы Пряслиных и Егорши Ставрова призваны ответить на эти сложные вопросы времени.

Традиционалистская русская проза опирается на христианские и предшествующие христианству этические ценности. Айтматовское творчество есть продолжение цивилизаций Древнего Востока, исламских и доисламских традиций, а поздний Ч. Айтматов обращён к христианству, к буддизму, к евангельским проблемам и сюжетам. Действие многих его произведений по большей части связано с богоборческой эпохой в жизни России и Киргизии. Однако это не мешает его героям вовремя совершать намаз, его женским персонажам – прикрывать лицо от незнакомых мужчин, почитать аксакалов, помнить о совести и милосердии.

Приведём эпизод из произведения о союзе молодых людей, основанном не на родовых обычаях, а на явном пренебрежении к ним (Ильяс увёз невесту без соблюдения свадебного ритуала), из повести «Тополёк мой в красной косынке». Курсивом в эпизоде выделены описания воспроизведенных в повести элементов традиционной киргизской этики и их восприятие персонажами произведения: «Стоим на дороге, разговариваем, а *Урмат-аке даже и не подходит к машине, не глядит на Асель. Хорошо, что Асель догадалась, в чём дело, накинула платок на голову, прикрыла лицо. Тогда Урмат-аке довольно улыбнулся.*

– *Вот теперь порядок!* – сказал он. – *Спасибо, доченька, за уважение. Ты отныне наша невестка, всем аксакалам автобазы невестка. Держи, Ильяс, за смотрины, – подал он мне деньги. Я не мог отказаться, обидел бы.*

Мы расстались. *Асель не снимала платка с головы. Как будто в заправдашнем киргизском доме, она, сидя в кабине, застенчиво прикрывала лицо при встречах со знакомыми шоферами. А оставшись одни, мы смеялись*⁴. Герои не только этой повести, но и других повестей и рассказов конца 1950–1960-х гг., несмотря на их часто принципиальную современность, сочетают в себе приметы и традиции исламского Востока с реалиями новой жизни. «Смеялись» – здесь дань героев новым веяниям, так и не смогшим (рассказчик об этом явно не жалеет) вытеснить многовековые обычаи киргизской старины.

Продолжение исламских и доисламских традиций подтверждает и активность мифологических образов в его прозе, в частности образ поля в повести «Материнское поле». В известной повести «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной главная героиня часто обращается к различным «духам» (околицы, кладбища, леса и т. п.) за помощью. Айтматовская Толгонай в наименьшей степени склонна к мистицизму, она напрямую беседует с полем, персонификацией земли-матери. «– О поле моё заветное, ты сейчас отдыхаешь после жатвы. Не слышно здесь голосов людей, не пылят на дорогах машины, не видно комбайнов, не пришли ещё стада на стерню. Ты отдало людям свои плоды и теперь лежишь, как женщина после родов. Ты будешь отдыхать до взмёта зяби. Сейчас здесь нас двое – ты да я, и больше никого. Ты знаешь всю мою жизнь. Сегодня день поминовения, сегодня я поклоняюсь памяти Суванкула, Касыма, Маселбека, Джайнака и Алиман. Пока я жива, я их никогда не забуду»⁵. Здесь будет уместно привести достаточно тонкое замечание одного из современных айтматоведов: «Мифологизм Ч. Айтматова особый, находящийся на стыке мифологических систем разных народов, не имеющих общей прайстории» [18, с. 47]. Обожествлённая земля-матушка – это архетипический образ всей русской словесности: от фольклора до по-

⁴ Айтматов Ч.Т. Повести. М.: Худ. лит., 1989. С. 77.

⁵ Там же. С. 267.

эзии XIX–XX веков. В главе «Василия Тёркина» под названием «На Днестре» находим:

– Мать-земля моя родная,
Вся смоленская родня,
Ты прости, за что – не знаю,
Только ты прости меня!⁶

Можно положительно утверждать, что архетипические, живущие в подсознании художника, образы роднят, сближают культуры самых разных, тем более живущих рядом народов. Разумеется, «национальные образы мира» (Г. Гачев) включают в себя и определяют особое, специфическое мироощущение авторов и персонажей их произведений, но это не отрицает глубинного созвучия и сходства образного мышления как художников, так и созданных ими героев.

В этом плане В. Астафьев через образ бабушки Катерины Петровны («Последний поклон», 1960–1992) живописует аналогичную связь с природой, землёй сибирской крестьянки. «Над моей головой встрепенулась птичка, стряхнула горсть искорок и пропела звонким, чистым голосом, как будто она и не спала, будто всё время была начеку: «Тить-ть-ти-ти-ррри...». – Что это, баба? – Это Зорькина песня. – Как? – Зорькина песня. Птичка зорька утро встречает, всех птиц об этом оповещает»⁷. Катерине Петровне, как и её киргизской современнице Толгонай, доступно понимание голосов природы, земли, всех, кто на этой земле обитает. «Ода русскому огороду» (1972) оказывается родственной «Материнскому полю» с его языческим обожествлением земли-матери: «Мальчик умом, и не умом даже, а природой данным наитием постигает замкнутый, бесконечный круг жизни и, хотя ничего ещё понять не может и объяснить не умеет, всё же чувствует: *все на земле рождается не зря и достойно всякого почитания, а может, и поклонения*»⁸.

⁶ Твардовский А.Т. Поэмы. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1973. С. 265.

⁷ Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 4: Последний поклон. Повесть в рассказах. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. С. 24.

⁸ Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 8: Ода русскому огороду. Паруна. Зрячий посох. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 48.

Курсивом здесь выделено своеобразное восприятие автором и его героем всего, произведённого землёй и самой земли, в качестве пантеистического божества, восприятие, родственное персонажам произведений Ч. Айтматова. Концептуально важный традиционалистский образ «бесконечный круг жизни» корреспондирует с айтматовским днём похорон Казангапа, вместившим в себя многие века истории.

Во многих айтматовских героинях (Джамия, Асель, Толгонай, мать из романа «Буранный полустанок» и др.), как и в произведениях русской деревенской прозы) (астафьевские Лида и бабушка Катерина Петровна, распутинская «мать Ивана», шукшинская Любовь Байкалова и др.) зримо оживают традиции Н.А. Некрасова («Их разве слепой не заметит, а зрячий о них говорит: пройдёт – словно солнце осветит, посмотрит – рублём подарит...»). И здесь оказываются факультативными различия во внешности киргизской красавицы и «величавой славянки».

Шофёр Ильяс в повести «Тополёк мой в красной косынке» встречает Асель далеко не в красивой «одежде»: «Лежу там весь в грязи, в поту, кляню дорогу на все лады. Слышу, кто-то идёт. Снизу мне видны только резиновые сапоги. Сапоги подошли, остановились напротив и стоят. Зло взяло меня – кого это принесло и чего глазеть, цирк тут, что ли. – Проходи, не стой над душой! – крикнул я из-под машины. Краем глаза заметил подол платья, старенькое такое, в навозе перепачкано. Видно, старуха какая-то, ждёт, чтобы подбросил до айла.

– Проходи, бабушка! – попросил я. – Мне ещё долго тут загорать, не дождёшься... Она мне в ответ: – А я не бабушка. – Сказала как-то смущённо, со смешком вроде. – А кто же? – удивился я. – Девушка. – Девушка? – Покосился я на сапоги, спросил ради озорства: – А красивая?

Сапоги переступили на месте, шагнули в сторону, собираясь уходить. Тогда я быстро выбрался из-под машины. Смотрю, в самом деле, стоит *тоненькая девушка со строгими нахмуренными бровями*, в красной косынке и большом, *отцовском*, видно, пиджаке, накинутом на плечи. *Молча глядит на меня. Я и*

забыл, что сижу на земле, что сам весь в грязи и глине. – Ничего! Красивая, – усмехнулся я. Она и вправду была красивая. – Туфельки бы только! – пошутил я, поднимаясь с земли»⁹.

В каждой национальной традиции – свои представления о красоте и грации, свой идеал красоты. И если русский (точнее – некрасовский и восходящий к нему – традиционалистский) идеал связан с румянцем, высоким ростом, статью, достоинствами вскармливающей ребёнка матери («сидит, как на стуле, двухлетний ребёнок у ней на груди»), то идеал айтматовский, киргизский, акцентирует сочетание внешней стройности («тополёк»), хрупкости со скромностью, кротостью, строгостью, стыдливостью. Однако и Некрасов, и Айтматов сходятся в важном: и «величавая славянка» и «тоненькая» Асель прежде всего труженицы, жёны, матери, к тому же обе – селянки. «Туфельки», как и «отцовский» пиджак на плечах Асель, – детали, знаменующие сожаление героя, а через него и автора о красоте недооценённой, о несовершенстве советского быта. Трудовое материнское начало сближает не только образы некрасовские и айтматовские, но эстетику и этику русской литературы девятнадцатого столетия с идеалами литературы XX века, с архетипами «великой матери», свойственными «деревенской прозе». Героини Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова, В. Шукшина, С. Залыгина, как и Ч. Айтматова, изображаются как изначально замечательные работницы и исполненные родительских тревог и забот матери и даже матриархи.

Ч. Айтматов – порождение советской цивилизации (не «совка», под которым саркастически подразумевают образ жизни, взлёты и падения России на протяжении 70 лет драматической советской истории, а именно особой цивилизации), с её ускоренным развитием и русской культуры, и культур советских республик. Неслучайно свободлюбивая, волевая, независимая женщина становится героиней повестей Ч. Айтматова, повестей, принесших ему всесоюзную и европейскую известность («Джамиля», «Тополёк мой в красной косынке», «Первый учи-

тель», «Материнское поле» и др.). Заметим здесь, что в последующем зрелом и позднем творчестве Айтматова образ отстаивающей самостоятельность, освобождённой «от оков рода» (Г. Гачев), женщины Востока, столь характерный для его творчества конца 1950 – начала 1960-х гг., не исчезает бесследно, не подвергается аннигиляции, а лишь частично редуцируется, дополняется образом женщины-матери, связанным с традицией, поскольку Айтматов становится всё более близким и созвучным образности и ценностям традиционалистской «деревенской прозы».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В плане параллелей и созвучий Ч. Айтматов оказывается «родственным» не только «традиционалистской прозе», но едва ли не всей русской литературе, а его отношения с ней подобны отношениям Толгонай и её внука из «Материнского поля» – духовное родство оказывается сильнее кровного. Для художника уровня Ч. Айтматова характерно не только следование традиции и актуальному для его времени, но переменчивому направлению общественных идей, но и яркая оригинальность. Самостоятельность и смелость Ч. Айтматова в советской литературе выразились и в его творческом поведении. Это он назвал свой роман строкой из стихотворения опального ещё в то время (1980 г.) Б. Пастернака «Единственные дни»: («И дольше века длится день»).

На протяжении многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счёта.

<...>

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.¹⁰

В названии романа «И дольше века длится день» не только цитирование яркого

¹⁰ Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Стихотворения 1921–1959. Переводы. М.: Худ. лит., 1989. С. 130.

⁹ Айтматов Ч.Т. Повести. С. 74.

метафорического текста, здесь отсылка к философскому содержанию поэзии Б. Пастернака и осуществлённая заявка Ч. Айтматова на собственное оригинальное видение действительности (день похорон Казангапа, вмещающий в себя благодаря ожившей памяти века истории).

Вероятно, из-за затянувшегося и бесплодного «бракоразводного процесса» между бывшими республиками, между братскими культурами и литературами, внимание историков литературы Киргизии и России в определённой мере оказалось отодвинутым от «нашего общего достояния», от титанической фигуры сближающего литературы Киргизстана и России Ч. Айтматова. Представляется, что всё ощутимее приближаются дни ожидаемого многими «солнцеворота», когда от холодной зимы солнце поворачивает к долгожданному тёплому лету.

Итак, проза Ч.Т. Айтматова близка различным течениям русской литературы XIX–

XX веков по характерной для неё гуманистической направленности, по вниманию к герою, вовлечённому в решение острых социально-этических проблем времени. Для прозы Ч. Айтматова характерно поэтическое «родство» с традиционалистским направлением русской литературы, проявляющееся в жанровых, композиционных, образных, идейных аналогиях и соответствиях между феноменами, относящимися к разным национальным культурам. Их сближают образ земли-матери, попытка реабилитировать и сберечь архетипы национальной этики, интегрировать их в полную противоречий современность.

Дальнейшее исследование параллелей между прозой Ч. Айтматова и русской традиционалистской литературой необходимо с целью определения национального своеобразия художественных миров писателей и уточнения истоков общности их концепций мира и человека.

Список источников

1. Гачев Г.Д. Чингиз Айтматов (в свете мировой культуры). Фрунзе: Адабият, 1989. 486 с.
2. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2020. 511 с.
3. Филькина М.А. Всемирная эсхатология в романе Ч.Т. Айтматова «Тавро Кассандры» // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 4 (8). С. 142-155. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2018-4-8-142-155>, <https://elibrary.ru/vugcog>
4. Васильева-Шальнева Т.Б. «Апокалипсическая диалогия» Ч. Айтматова (романы «Плаха» и «Тавро Кассандры») // Филология и культура. 2013. № 2 (32). С. 89-93. <https://elibrary.ru/rpeebx>
5. Лагунова О.К. Тематизация песни в русскоязычной онтологической прозе народов Северной Азии последней трети XX века (Е. Айпин, Ч. Айтматов, А. Неркаги) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2. № 3. С. 8-22. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2016-2-3-8-22>, <https://elibrary.ru/wyxrww>
6. Варава В.В., Махаматов Т.М. Новые формы экзистенции в произведениях Ч. Айтматова // Философия и общество. 2021. № 3 (100). С. 143-155. <https://elibrary.ru/xaxwrx>
7. Тургунова Г.А. Мир Ч. Айтматова в интерпретации и восприятии // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 10. С. 414-419. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/71/45>, <https://elibrary.ru/qxppeo>
8. Жусупова А.А. Концепция личности в романе «Плаха» Ч. Айтматова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 3 (7). С. 66-71. <https://elibrary.ru/nehbgd>
9. Мирза-Ахмедова П.М. Национальная эпическая традиция в творчестве Ч. Айтматова. Ташкент: Фан, 1980. 92 с.
10. Ибраимов К.И. Миф и миропонимание в гуманистической философии Ч. Айтматова. Бишкек: Изд-во «Кыргызстан», 1998. 108 с.
11. Лайлиева И.Д. Ч. Айтматов и мировой литературный контекст. Бишкек: Илим, 2000. 130 с.
12. Укубаева Л.У. Чынгыз Айтматов жана кыргыз адабияты. Бишкек: Турар, 2012. 392 с.
13. Graham Sh.D. Chingiz Aytmatov's "Proscha, Gulsary!" // Urbana: Slavic Review Press. 1989. Vol. 4. № 24. P. 34-42.

14. Qualin A. Searching for the Self at the Crossroads of Central Asian, Russian and Soviet Cultures: the Question of Identity in the Works of Timur Pulatov and Chingiz Aitmatov. Seattle: University of Washington Press, 1996. 246 p.
15. Soucek S. National Color and Bilingualism in the Work of Chingiz Aitmatov // Journal of Turkish Studies. 1983. Vol. 5. P. 70-98.
16. Рыскулова Ж.М. Восприятие творчества Чингиза Айтматова в англоязычных странах. Фрунзе: Илим, 1987. 96 с.
17. Дүйшембиева А.Н. Повесть Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» в оценке американских литературоведов С. Соучека, А. Куалина и Ш.Д. Грехэм // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-1 (86). С. 13-17. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.2>, <https://elibrary.ru/xsiayh>
18. Аминева В.Р. Мифологизм в прозе Ч. Айтматова и современных татарских писателей // Филология и культура. 2013. № 2 (32). С. 45-51. <https://elibrary.ru/rpedyl>

References

1. Gachev G.D. *Chingiz Aitmatov (v svete mirovoi kul'tury)* [Chingiz Aitmatov (in the Light of World Culture)]. Frunze, Adabiyat Publ., 1989, 486 p. (In Russ.)
2. Gachev G.D. *Kosmo-Psikho-Logos: Natsional'nye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos: National Images of the World]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2020, 511 p. (In Russ.)
3. Fil'kina M.A. World eschatology in the novel “Cassandra’s Brand” by Chingiz Aitmatov. *Kontsept: filozofiya, religiya, kul'tura = Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 2018, no. 4 (8), pp. 142-155. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2018-4-8-142-155>, <https://elibrary.ru/vugcog>
4. Vasil'eva-Shal'neva T.B. Ch. Aitmatov’s “Apocalyptic dilogy”: “The Scaffold” (“The Place of the Skull”) and “Cassandra’s Brand”. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2013, no. 2 (32), pp. 89-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rpeebx>
5. Lagunova O.K. Theming lyrics in the Russian language ontological prose of northern Asia in the last third of the 20th century (Ye. Aipin, Ch. Aitmatov, A. Nerkagi). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates = Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 8-22. (In Russ.) <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2016-2-3-8-22>, <https://elibrary.ru/wyxrww>
6. Varava V.V., Makhmatov T.M. New forms of existence in the works of Chingiz Aitmatov. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 2021, no. 3 (100), pp. 143-155. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xaxwrx>
7. Turgunova G.A. The world of Ch. Aitmatov in interpretation and perception. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2021, vol. 7, no. 10, pp. 414-419. (In Russ.) <https://doi.org/10.33619/2414-2948/71/45>, <https://elibrary.ru/qxpepe>
8. Zhusupova A.A. Person conception in Ch. Aitmatov’s novel “The Scaffold”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2010, no. 3 (7), pp. 66-71. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nehbgd>
9. Mirza-Akhmedova P.M. *Natsional'naya ephicheskaya traditsiya v tvorchestve Ch. Aitmatova* [National Epic Tradition in the Works of Ch. Aitmatov]. Tashkent, Fan Publ., 1980, 92 p. (In Russ.)
10. Ibraimov K.I. *Mif i miroponimanie v gumanisticheskoi filosofii Ch. Aitmatova* [Myth and Worldview in the Humanistic Philosophy of Ch. Aitmatov]. Bishkek, “Kyrgyzstan” Publ., 1998, 108 p. (In Russ.)
11. Lailieva I.D. *Ch. Aitmatov i mirovoi literaturnyi kontekst* [Ch. Aitmatov and the World Literary Context]. Bishkek, Ilim Publ., 2000, 130 p. (In Russ.)
12. Ukubaeva L.U. *Chyngyz Aitmatov zhana kyrgyz adabiyaty* [Chingiz Aitmatov and Kyrgyz Literature]. Bishkek, Turar Publ., 2012, 392 p. (In Kyrg.)
13. Graham Sh.D. Chingiz Aytmatov’s “Proschay, Gulsary!”. *Urbana: Slavic Review Press*, 1989. vol. 4, no. 24. pp. 34-42.
14. Qualin A. *Searching for the Self at the Crossroads of Central Asian, Russian and Soviet Cultures: the Question of Identity in the Works of Timur Pulatov and Chingiz Aitmatov*. Seattle, University of Washington Press, 1996, 246 p.
15. Soucek S. National color and bilingualism in the work of Chingiz Aitmatov. *Journal of Turkish Studies*, 1983, vol. 5, pp. 70-98.
16. Ryskulova Zh.M. *Vospriyatie tvorchestva Chingiza Aitmatova v angloyazychnykh stranakh* [Perception of the Work of Chingiz Aitmatov in English-speaking Countries]. Frunze, Ilim Publ., 1987, 96 p. (In Russ.)

17. Duissembieva A.N. Ch. Aitmatov's story "Farewell, Gulsary!" in the assessment of the American literary critics S. Soucek, A. Qualin and Sh.D. Graham. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2018, no. 8-1 (86), pp. 13-17. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.2>, <https://elibrary.ru/xsiayh>
18. Amineva V.R. Mythologism in the prose of Ch. Aitmatov and modern Tatar writers. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2013, no. 2 (32), pp. 45-51. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rpedyl>

Информация об авторе

Гончаров Пётр Андреевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-5063-9564>, goncharovpa2015@yandex.ru

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, набор первичного материала, поиск и анализ научной литературы, анализ литературных текстов, обработка и редактирование материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 19.09.2023
Поступила после рецензирования 17.01.2024
Принята к публикации 18.01.2024

Information about the author

Pyotr A. Goncharov, Dr. habil (Philology), Professor, Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov region, Russian Federation; Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky, St. Petersburg, Russian Federation, <https://orcid.org/000-0001-5063-9564>, goncharovpa2015@yandex.ru

Contribution: idea, main study conception, source material acquisition, scientific literature search and analysis, literary texts analysis, material processing and editing, manuscript text drafting.

Received September 19, 2023
Revised January 17, 2024
Accepted January 18, 2024